

Линь Цинхэнь привык к такому с самого детства.

В подобные моменты любое слово было лишним: возразишь — лишь подольёшь масла в огонь, начнёшь унижаться — и вовсе не добьёшься ничего путного. На глазах у всех, да ещё и в Сливовом саду, Линь Фэй и Линь Циншуан не стали бы распускать руки — всё ограничилось бы лишь словами. Юноша надеялся, что они быстро закончат этот обязательный спектакль и он сможет уйти: ему нужно было поскорее вернуться к работе на поле.

Он просто замер, превратившись в безмолвное изваяние, выглядя в глазах толпы глупым и совершенно никчёмным. Но Линь Фэй уже выкрикнул его имя. Прошло немало лет, но слава о позоре семьи Линь всё ещё жила в памяти людей.

— И вправду, какой из него книжник? — раздался среди присутствующих звонкий девичий смех. — Чу Вэй, тебе стоит извиниться перед сестрой Циншуан. Как ты мог подумать о том, чтобы забрать её брата на гору Сунь? Линь Цинхэнь... Ха, не зря говорят: лучше один раз увидеть.

— Так это и есть то самое никчёмное ничтожество...

— Какое ещё ничтожество? Почему он в маске?

Разговоры вспыхнули с новой силой. Кто-то из толпы, поддавшись любопытству, не удержался: в сторону Цинхэня метнулся закрученный сухой лист, наполненный духовной силой. Тонкая нить, удерживающая маску, лопнула, и она с глухим стуком упала на землю.

Вид уродливого пятна на лице юноши вызвал волну возгласов, и обсуждения стали ещё громче.

Линь Фэй так и сиял от гордости, считая, что публичное унижение брата — его личная заслуга. Линь Циншуан же, напротив, помрачнела. Родство с этим посмешищем не приносило ей чести.

Сам же Линь Цинхэнь оставался на удивление спокоен и даже чувствовал некоторое облегчение. Недавно он принял Пилюлю-противоядие, и след на лице начал бледнеть. Если бы кто-то заметил это, возникли бы ненужные подозрения. Маска не была надёжной защитой, и Цинхэнь, верный своей привычке просчитывать всё наперёд, подготовился. Он заранее нанёс на кожу смесь из сока трав, чей тёмно-синий оттенок почти не отличался от его врождённого знака. К тому же длинная чёлка скрывала те места на лбу и вокруг глаз, где кожа уже начала восстанавливаться, поэтому заметить что-то необычное было невозможно.

Да, предусмотрительность всегда приносила свои плоды.

Толпа вспомнила о его позорном результате на Камне измерения души. Кто-то, желая забавы,

решил проверить его никчёмность на деле. Едва маска коснулась земли, невидимая сила толкнула Цинхэня в грудь. Удар пришёлся за пределами Сливового сада, так что формально правила нарушены не были.

Юноша не сопротивлялся. Он повалился на землю, в самую гущу цветов, несколько раз перекатившись в пыли. Вид у него был крайне жалкий. От резкого падения дыхание перехватило, и он зашёлся в сухом, надсадном кашле.

Защитный артефакт, подаренный Юй Иньинь, так и остался нетронутым — Цинхэнь не собирался раскрывать свои карты ради пустой бравады. В этот миг он казался воплощением слабости и трусости.

— Всем замолчать! — голос Линь Циншуан, пропитанный гневом, мгновенно оборвал насмешки.

Она обвела присутствующих ледяным взглядом и чеканно произнесла:

— Он мне не брат. У меня нет таких родственников.

С этими словами она резко развернулась и пошла прочь. Линь Фэй, осознав, что его попытка выслужиться провалилась, бросился следом, пытаясь что-то лепетать в оправдание, но сестра и слушать его не желала.

— И ты катись отсюда! — её голос донёсся уже издалека. — Если не сдашь экзамен на алхимика через несколько дней, окажешься таким же ничтожеством. Не смей больше позорить имя Линь!

Толпа быстро рассеялась. Чу Вэй, чей интерес к «сообразительному книжнику» угас так же быстро, как и вспыхнул, лишь брезгливо нахмурился. Он даже не подумал помочь Цинхэню подняться и вскоре скрылся из виду. Юношеская гордость и привычка судить по внешности сделали своё дело.

Линь Цинхэнь умело скрывался под личиной никчёмности больше десяти лет. Даже Юй Иньинь поняла, что он не так прост, лишь когда увидела поле мутировавшей круглой пшеницы; до этого она считала его лишь обладателем хорошей памяти, в остальном же — бесполезным человеком. В этом мире никто не должен был разглядеть его истинную сущность при первой же встрече.

Всё шло по плану, и на душе у юноши стало даже радостно: если бы он знал, что снятая маска так быстро избавит его от назойливого внимания и пустой траты времени, то сделал бы это гораздо раньше — ведь здесь он только зря отвлекался от дел. Он поднялся, восстановил дыхание и, как ни в чём не бывало, подобрал маску. Смахнув с неё пыль, он привычным движением вернул её на лицо.

Управляющий Мэй всё это время неподвижно сидел на своём месте. В силу возраста его разум часто затуманивался, и у него просто не было сил вмешаться.

— Цинхэнь, мальчик мой... — пробормотал он. — Ты ведь такой умный ребёнок. Почему же у тебя нет друзей, как у твоей сестры? Почему никто не пришёл тебе на помощь?

Линь Цинхэнь промолчал. На этот вопрос не требовалось ответа.

Он спешил вернуться к работе, но у самого выхода из Сливового сада на мгновение замер. Возле задних ворот росло огромное старое дерево. Юноша поднял голову, вглядываясь в густую крону, но ничего не заметил. Он нахмурился и, не желая терять время, пошёл дальше.

Благодаря своим исследованиям он научился до предела утончать свою и без того скудную духовную силу. Жизнь в постоянной опасности сделала его чувства обострёнными: он кожей ощущал малейшие колебания энергии в пространстве. Выходя за ворота, он готов был поклясться, что на дереве кто-то есть. Но там было пусто.

В этот самый миг Инь Цзюсяо, сидевший на толстой ветви, медленно моргнул. Его истинное тело находилось в трактире, здесь же была лишь его тень. Его уникальная природа, сочетающая духовную и демоническую энергию, позволяла создавать двойников, невидимых и неосязаемых для обычных мастеров. Даже Линь Циншуан ничего не заподозрила.

Прошло слишком много времени, и Цзюсяо хотел лично убедиться в силе своей «невесты», чтобы скорректировать планы. Девушка действительно была талантлива: после странствий она достигла первой звезды Земного уровня. Неудивительно, что Линь Чжунтянь закатил такой пир.

Однако сейчас она не была для Инь Цзюсяо серьёзным противником, даже несмотря на то, что он сам находился в тупике развития. Его магическая энергия подавляла обычную духовную силу, а боевые инстинкты, закалённые в прошлых жизнях, не имели равных.

Став властелином мира в прошлом, Цзюсяо привык действовать безжалостно. Он не видел иного способа вернуть наследие деда, кроме как через этот брак. Ему нужно было надавить на Линь Чжунтяня, чтобы тот не посмел расторгнуть помолвку под гнѐтом обстоятельств. Глава семьи Линь вряд ли бы просто так связал судьбу своей многообещающей дочери с «калекой», но Цзюсяо верил, что за время их противостояния сможет добраться до Брачного договора.

Впрочем, пышная церемония его не интересовала. Ему нужны были лишь Камень брака и Брачный договор. Он мог бы напасть внезапно: захватить Линь Циншуан, заставить Камень признать их союз, а когда сила вернѐтся к нему — она больше не будет представлять угрозы. Узы Брачного договора крепки, но их можно разорвать, пусть это и сложнее, чем разрушить клятву Неба и Земли. Достаточно было бы вырвать большую часть её сердечных жил, и тогда

связь исчезла бы навсегда.

В прошлой жизни семья Линь не пошла на это лишь потому, что Циншуан была слишком горда, чтобы исполнять условия помолвки, и не желала иметь с ним ничего общего. Но Инь Цзюсяо было всё равно. Он привык добиваться цели любыми средствами. Если его заметят — что ж, к тому времени он уже обретёт силу двух начал, и даже Линь Чжунтянь не сможет его выследить. Он знал наперёд все грядущие события и места силы; через несколько лет никто в этом мире не сможет бросить ему вызов.

Покинув поместье Инь, он не собирался возвращаться. К тому же, у его семьи всё ещё оставался фундамент наследия. Великая формация запечатывания горы выдержала даже Разломы демонической энергии; если Линь Чжунтянь решит отомстить, он не сможет уничтожить род Инь — его силы не хватит, чтобы преодолеть мощь отдачи от нарушения договора.

К тому же в семье Инь сейчас почти не осталось порядочных людей. Цзюсяо натерпелся там немало унижений и его совершенно не заботило, выживут они или нет. Его тень следовала за Линь Циншуан, но по пути он стал свидетелем скучной сцены.

Этот Линь Цинхэнь совершенно не походил на молодого господина великой семьи. Он казался настолько никчёмным, что на него не стоило тратить и взгляда. За всё время он не произнёс ни слова, словно немой истукан. Цзюсяо не уходил лишь из мимолётного чувства сопричастности. Когда-то давно он и сам был такой же «сорной травой», над которой все издевались. Но смотреть на того, кто не может дать отпор, было невыносимо скучно. Сострадание в душе бывшего императора было подобно гаснущей свече на ветру — оно вспыхнуло на миг и тут же исчезло.

Он уже собирался отозвать тень, когда произошло нечто любопытное.

Как только толпа скрылась, Линь Цинхэнь поднялся. Его хрупкая спина выпрямилась, а состояние изменилось. Всё его предыдущее поведение казалось лишь умелой игрой. Он ловко надел маску, поправил волосы и уверенно зашагал прочь.

Но самое интересное случилось у ворот. Юноша замер и посмотрел прямо туда, где скрывался Инь Цзюсяо. Он не видел его по-настоящему, но сам факт того, что этот никчёмный мастер почувствовал присутствие, которое не заметили признанные гении, заставил Инь Цзюсяо заинтересоваться.

В глазах тени мелькнул блеск.

Приехав в префектуру Тунтянь, он не ожидал встретить сразу двух необычных личностей: глупого маленького воронёнка, торгующего сокровищами на обочине, и этого глубоко скрывающегося немого гадкого утёнка.

Это становилось по-настоящему интересно.

<http://bllate.org/book/15326/1411615>